

По побережью Черного континента.

(Изъ записной книжки натуралиста)*).

Проф. С. В. Аверинцева.

Глава III.

Размѣры колоніи.—Пути сообщенія.—Будущее тропической Африки.—Сафари.—Дорога изъ Аmani въ юси.—Гора Гоніа.—Негры-шамбака. Наружность егровъ.—Земледѣліе.—Сувѣрія негровъ.—Водопады Маргариты.—Постройки термитовъ.—Палочники.—Крабы.—Песчаная блоха.—Цикады.—Негры-христиане.—Многोजенство.—Снова въ Таніу.

Размѣры нѣмецкой Восточной Африки громадны. Если провести двѣ діагонали,—одну—отъ сѣверо-восточнаго угла колоніи, отъ мѣста впаденія въ Индійскій океанъ р. Умба до южнаго конца оз. Танганика,

до Бисмаркбурга, а другую—отъ крайняго юго-восточнаго конца ея, отъ мыса Дельгадо до вулкановъ оз. Киву, то первая — будетъ равняться почти 950, а вторая — 1500 верстамъ, иными словами,—разстоянію отъ Берлина до Лондона и отъ Варшавы до Марсея. На всемъ этомъ пространствѣ почти нѣтъ дорогъ въ нашемъ смыслѣ этого слова, а имѣются лишь одни пѣшеходныя „тропы“, по которымъ другъ-за-другомъ, гуськомъ тянутся караваны носильщиковъ. Мы находимъ здѣсь всего лишь двѣ незначительныхъ желѣзнодорожныхъ линіи: Танга-Маканія и Дарессаламъ-Кикомбо (440 клм.) и нѣсколько маленькихъ

*) Продолженіе. См. „Природа“, февр., 1912 г.

шоссированныхъ дорогъ. Причины подобнаго состоянія путей сообщенія ясны всякому, побывавшему внутри страны. Болѣзни лошадей, ословъ, муловъ и другихъ животныхъ, вызываемыя трипанозомами и иными паразитами крови изъ простѣйшихъ (Protozoa), въ нѣкоторыхъ округахъ распространены на столько, что въ самый короткий срокъ ими заболѣваютъ всѣ домашнія животныя, такъ или иначе попавшія туда. Параллельно съ этимъ, чуть ли не повсюду хозяйничаютъ термиты, уничтожающіе въ нѣсколько дней всѣ деревянные части всякихъ построекъ; такимъ образомъ, неоднократно разрушались мосты и иныя сооруженія, возводившіеся на дорогахъ съ наиболѣе оживленнымъ движеніемъ...

Когда временами я, глядя на развертывавшійся передо мной тропическій ландшафтъ, пытался нарисовать себѣ будущій обликъ Чернаго континента, я всегда видѣлъ мало отличающуюся отъ южной Европы страну, изрѣзанную дорогами, покрытую плантаціями и фабриками, страну съ значительнымъ и богатымъ будущимъ... Тропической Африкѣ предстоитъ пережить пышный расцвѣтъ сельско-хозяйственной и промышленной жизни... Но не радовала меня эта картина!.. Очарованіе, которымъ полны теперь экваторіальныя страны,—тогда неминуемо исчезнетъ... Взять хотя бы тѣ же пути сообщенія и причины ихъ плохого состоянія. Переносчиками заразныхъ болѣзней домашняго скота являются, главнымъ образомъ, мухи, комары, блохи и клещи, постоянными же очагами паразитовъ, оказываются различныя дикія животныя... Такимъ образомъ—однимъ изъ лозунговъ культуры уже явился кличъ:—истребляйте дикихъ животныхъ, истребляйте массы, безъ всякаго сожалѣнія—и зараза исчезнетъ!.. И истребленіе не заставило себя ждать... Огнестрѣльное оружіе, не смотря на всѣ запреты, можно найти повсюду; спортсменъ-охотникъ, тщеславно заносящій въ свою записную книжку десятки разстрѣлянныхъ звѣрей, проникъ съ своимъ магазиннымъ ружьемъ и разрывными пулями уже въ самое сердце Африки, и быстро гибнетъ ея животный міръ, столь удивительный и роскошный... Всего лишь десятокъ лѣтъ тому назадъ всѣ рѣки колоніи, напримѣръ, кишмя-кишѣли гиппопотамами, теперь же послѣднихъ нѣтъ и въ поминѣ нигдѣ по побережью, за исключеніемъ устья дикой, заросшей лѣсомъ Ровумы: надо забираться далеко въ глубь страны, чтобы повидать на волѣ этихъ неуклюжихъ гигантовъ...

Рѣдкѣй сталъ носорогъ, меньше встрѣчается слоновъ, исчезъ кафрскій быкъ,—все это результатъ хозяйничанья человѣка... Вѣками жили другъ подлѣ друга тысячи разныхъ звѣрей и птицъ; хищные, прожорливые крокодилы и беззащитныя рыбы въ рѣкахъ и озерахъ, львы, тигры, гіены, шакалы и масса всякихъ антилопъ, газелей и зебръ въ степяхъ и перелѣсахъ, всюду и вездѣ преслѣдователи и преслѣдуемые,—и животный міръ не оскудѣвалъ, постоянно сохранялось равновѣсіе, погибали лишь слабые, больные, неприспособленные... Только тогда, когда вторгается въ этотъ полный гармоніи кругъ человѣкъ со своими разрушительными наклонностями, со своими „культурными“ замашками—исчезаетъ цѣлостность, исчезаетъ красота природы, нарушается ея извѣчная гармонія...

Вотъ и здѣсь, въ экваторіальной Африкѣ близится время, когда большинство дикихъ животныхъ будетъ истреблено, когда всюду протянутся дороги и каналы, степь съ ея буйной, дикой растительностью замѣнится воздѣланными полями, падетъ подъ ударами топора дѣвственный лѣсъ... Исчезнетъ мало-по-малу малярія—бичъ человѣка, станутъ рѣдки заразныя болѣзни неприспособленныхъ, одомашненныхъ животныхъ, всюду появятся городки, мѣстечки, фермы, плантаціи,—но за то исчезнетъ и обаяніе тропиковъ, исчезнутъ населяющія ихъ рѣдкостныя растительныя и животныя формы, а вмѣстѣ съ ними исчезнутъ и исконные обладатели континента—негры... Однако, пока до этого все же далеко... И потому пока здѣсь еще приходится прибѣгать къ тому способу передвигенія съ десятками носильщиковъ, описаніе котораго мы можемъ встрѣтить у Ливингстона, Стэнли и другихъ путешественниковъ прошлаго столѣтія...

Не предпринявъ „сафари“ *) нельзя познакомиться съ внутренними частями страны, съ ея природой и жизнью... Разговоры о „сафари“—любимая тема всякаго, кто только пожилъ въ колоніи, и, дѣйствительно, въ такихъ путешествіяхъ столько необъяснимой прелести сліянія съ природой, столько новизны для насъ европейцевъ, дѣтей города и культуры...

На мою долю выпало нѣсколько дней подобной жизни, затѣмъ, на моихъ глазахъ были организованы двѣ-три экспедиціи далеко внутрь континента,—а потому—всѣ

*) „Сафари“—на языкѣ васагели — „путешествіе“.

впечатлѣнія отъ подобныхъ „сафари“ такъ знакомы, всѣ переживанія—такъ близки, всѣ мелочи—такъ хорошо извѣстны...

Прежде всего приходится обзавестись палаткой, походной складной постелью съ сѣткой отъ комаровъ, походнымъ столомъ, стуломъ, проще сказать всякой мелочью—вплоть до кухонной посуды, провизіей, свѣчами, аптечкой съ наборомъ лекарствъ въ прессованныхъ таблеткахъ и пр. Все это должно быть уложено такъ, чтобы не промокать на дождѣ и занимать возможно меньше мѣста; всего лучше закупоривать большинство вещей въ легкія жестянки изъ-подъ американскаго керосина и въ особые желѣзные, герметически-закрывающіеся, тропическіе чемоданы; при этомъ необходимо, чтобы каждый ящикъ и тюкъ вѣсили не больше 50—60 фун., т.-е. столько, сколько несетъ, обыкновенно, на головѣ одинъ носильщикъ... Наконецъ, всѣ вещи собраны и заготовлены,—приходится искать „вапагази“ *). Въ большихъ прибрежныхъ пунктахъ и вообще тамъ, гдѣ начинаются проторенныя караванныя тропы, сдѣлать это довольно легко, но, напримѣръ, въ Аmani носильщиковъ нанять нельзя и приходится привозить ихъ туда заранѣе изъ Танги, Кирогве и др. пунктовъ. Для небольшихъ „сафари“, разсчитанныхъ на 3—4 недѣли нужно 9—10 „вапагази“, на путешествіе же въ теченіе 8—10 мѣсяцевъ ихъ нужно никакъ не меньше 35, не считая тѣхъ, что должны нести научное снаряженіе и всякія коллекціи... Плата носильщикамъ различна, въ зависимости отъ времени и направления пути; обыкновенно, она колеблется, считая вмѣстѣ съ „пошо“, т.-е. съ продовольствіемъ, отъ 12 до 18 рупій въ мѣсяцъ (8—12 руб.). Казалось бы и не дорого, но уже простой расчетъ показываетъ какими большими средствами нужно обладать, чтобы путешествовать съ научными цѣлями въ этихъ, столь привлекательныхъ для натуралиста мѣстахъ!..

Устроилось все и съ носильщиками,—каждый изъ нихъ уже знаетъ свое мѣсто въ караванѣ и вещь, которая ему поручена, найдены — поваръ — „мпиши“, служившій раньше у какого-нибудь европейца, „мніам-пара“, какъ бы десятникъ каравана, и „киронгози“—проводникъ, на случай, если придется сворачивать въ сторону отъ большой дороги... однако, трогаться въ путь еще нельзя...—Необходимо изслѣдовать, не болны ли нанятые вами люди, нѣтъ ли

у нихъ маляріи или же круглага червячка—анкилостома въ кишечникѣ не сдѣлавъ этого, вы рискуете потерять часть багажа и попасть въ безвыходное положеніе, очутившись посреди дороги безъ носильщиковъ. Но, вотъ — назначенный день насталъ!.. Рано по утру, еще въ темнотѣ съ гамомъ и крикомъ караванъ трогается въ путь. „Квагери“, „ква-куонана“—прощайте, до свиданія!.. Больше нѣтъ ни отелей, ни трактировъ, ни городского шума, ни „вазунгу“—бѣлыхъ культуртрегеровъ съ ихъ наглостью и самоувѣренностью, около васъ только взрослая дѣти—негры и умиротворяющая природа... Переходъ въ теченіе 5—6 часовъ, затѣмъ отдыхъ и сонъ въ палаткѣ; идемъ ежедневно приблизительно до полудня съ однимъ или двумя небольшими привалами, а затѣмъ останавливаемся лагеремъ. Сегодня палатка разбита на опушкѣ дѣвственнаго лѣса, завтра въ тѣни шелестящей пальмы или у баобаба необъятной толщины... Отдохнешь, займешься дѣлами, коллекціями и замѣтками, а потомъ наступаетъ тихій предзакатный часъ, длиннѣютъ тѣни, дымится костеръ, подходитъ кто-нибудь изъ „вапагази“ или изъ „боевъ“ *), а то и старшина сосѣдней деревушки—„юмба“, и начинается обстоятельная, тихая бесѣда—„шаури“, напоминающая наши русскіе деревенскіе разговоры на заваленкѣ у крытой соломой избы, когда скотъ идетъ съ поля, хлопаетъ бичъ, мычатъ коровы и въ воздухѣ золотится мелкая, мелкая пыль...

Въ тропическомъ „сафари“ столько неожиданнаго, столько привлекательнаго, что, по моему, всякаго, кому довелось хоть разъ въ жизни совершить его, будетъ временами тянуть, какъ перелетную птицу, въ нагорья, лѣса и степи Чернаго континента, на просторъ, бродячей первобытной жизни...

Изъ Аmani всего лучше уйти другой дорогой, чѣмъ та, по которой я попалъ туда,—лучше всего выбрать путь тропическимъ лѣсомъ къ станціи Ньюси, лежащей въ 70 клм. отъ Танги. Дорога эта занимаетъ всего лишь одинъ дневной переходъ, но довольно трудна благодаря попадающимъ временами значительнымъ подъемамъ... Идемъ почти все время дивнымъ тропическимъ лѣсомъ. Какое богатое развитіе древесины здѣсь, да и не мудрено—наши деревья растутъ лишь незначительную часть года, а тутъ безъ перерыва все время... Листва блеститъ и искрится на солнцѣ...

*) „Мпатази“—носильщикъ; „вапагази“—мн. ч.

*) „Бой“—слуга.

Европейскій ландшафтъ—это нѣжная акварель, тропическій же—яркая, блестящая масляными красками картина... Солнце не палитъ, но жарко и воздухъ напоенъ парами, точно въ оранжереѣ... То тутъ, то тамъ мчатся и шумятъ горные ручьи; всюду водопадики и водоскаты—окаймленные, какъ рамой, тысячами красныхъ бальзаминовъ... На прогалинахъ всѣ стволы закрыты наброшеннымъ на нихъ зеленымъ ковромъ, — густой сѣтью всевозможныхъ выходящихъ растений, мѣстами усѣянныхъ крупными бѣлыми или багряными цвѣтами...

Лѣсъ прерывается старѣйшей въ Узамбарѣ кофейной плантаціей Квамкоро; потомъ—снова попадаешь въ чашу и медленно поднимаешься въ гору... Какими маленькими и ничтожными кажемся мы въ этомъ монументальномъ, многоколонномъ храмѣ природы... Наконецъ, достигаемъ наивысшей точки пути, горы Гоніа... Круто падаетъ внизъ одинъ изъ ея обрывовъ, поросшій лѣсомъ, образуя отвѣсную стѣну; дальше раскинулась безконечная равнина, сливающаяся гдѣ-то далеко, въ мгlistой дымкѣ съ синѣющимъ небомъ, и по ней мѣстами серебрятся и искрятся на солнцѣ извивы шумной Пангани. На западѣ у горизонта встаютъ послѣдніе отроги Восточной Узамбары, а за ярко-зеленѣющей полосой долины Луэнгера высятся массивы Западной Узамбары... Дорога теперь спускается все ниже и ниже... Чаше попадаютъ туземцы... Вотъ и деревушка... Кровли хижинъ уже не тѣ, что на побережьи, округлены и заканчиваются остріемъ; всѣ постройки обведены частоколомъ и внутрь ведутъ всего лишь одни ворота,—пережитокъ былой, богатой войнами и разбойничьими нападеніями эпохи...

Узамбара населена, преимущественно, неграми шамбала изъ племени Банту, низкорослымъ, слабосильнымъ, но все же способнымъ народцемъ... Когда попадаешь въ тропическую Африку прямо изъ Европы, сразу почти не отличаешь одного негра отъ другого, такими схожими кажутся для неопытнаго глаза ихъ лица, потомъ уже не то,—легко различаешь характерныя племенные отличія... Кожа негровъ не черная, какъ мы привыкли думать, а скорѣе темно-шоколаднаго цвѣта, очень часто попадаютъ также лица съ еще болѣе свѣтлой окраской; губы—тоже не ярко-красныя, какъ рисуютъ на лубочныхъ рисункахъ на основаніи ходячихъ представленій, а того же шоколаднаго цвѣта, что и кожа, но только

немного блѣднѣе и временами какъ бы съ легкимъ розоватымъ оттѣнкомъ.

Сильно развитыя челюсти, бѣлыя, великолѣпныя зубы, толстыя, вывернутыя губы, широкій, приплюснутый носъ и жесткіе, курчавые, плоскіе волосы—вотъ наиболѣе характерныя черты негрской головы. Фигуры какъ мужчинъ, такъ и женщинъ отличаются красотой формы и силой; необычайно интересны и гармоничны пропорціи отдѣльныхъ частей... Жировыхъ образованій не видно; подъ блестящей кожей тонкихъ рукъ и ногъ ясно прорисовываются отдѣльные мускулы. Удивительно изящна походка женщинъ, вырабатывающаяся, по-видимому, при носкѣ всевозможныхъ тяжелыхъ на головѣ; легко, просто и красиво, слегка балансируя, несутъ онѣ на головахъ большія четырехугольныя керосиновыя жестянки, полная воды, подымаясь по горѣ отъ ручья... Прекрасный матеріалъ для скульптора и художника!..

Всѣ шамбала—земледѣльцы; воздѣлываютъ они, главнымъ образомъ, бананы, маисъ, сахарный тростникъ и маниокъ—„мхого“,—растение съ клубнями, на подобіе картофеля... Сплошь и рядомъ у насъ встрѣчаешься съ мнѣніемъ, что жителямъ тропиковъ почти не приходится заботиться о пищѣ:—бананы растутъ повсюду, понадобился хлѣбъ,—бросилъ зерна въ землю и спокойно жди стократнаго урожая... На дѣлѣ совсѣмъ не то!.. Лѣсныхъ банановъ въ ротъ не возьмешь,—такъ они невкусны; благодатная почва попадаетъ изрѣдка, обыкновенно же приходится тщательно обрабатывать и удобрять ее; осадки тоже не всюду правильны и благодѣтельны, и тѣмъ же слабосильнымъ шамбала нужно искусственно орошать поля, возводя запруды и пролагая оросительныя каналы и канавки. Не мало хлопотъ приносятъ неграмъ и дикія животныя, уничтожающія ихъ посѣвы... Часто случалось мнѣ видѣть на деревьяхъ среди засѣянныхъ полей какія-то сооруженія изъ прутьевъ и соломы, точно гигантскія гнѣзда,—оказалось, что это сторожевыя домики... Не разъ нарушали мой сонъ крикъ и шумъ, перекликанія и удары барабана и какихъ-то колотушекъ,—это ногами отгоняли шамбала отъ своихъ посѣвовъ обезьянъ и дикихъ свиней, пробиравшихся полакомиться зернами и плодами.

Почти въ каждой деревнѣ можно найти овецъ и козъ, а временами, тамъ гдѣ нѣтъ мухъ цѣ-цѣ, разносящихъ заразу, и коровъ... Всюду есть куры,—главное пропитаніе европейцевъ во время „сафари“... Яицъ негры

не ѣдят и держать курь почти исключительно для гаданій и жертвоприношеній... Вся природа для шамбала, какъ могъ я вывести изъ различныхъ „шаури“, населена добрыми и злыми духами, особенно послѣдними... Всюду негра подстерегаютъ бѣды... Зорко должны слѣдить старики за выполненіемъ всѣхъ предписаній, иначе плохо будетъ живущимъ, не уважающимъ завѣтовъ умершихъ предковъ („вазиму“). Еще больше зла, чѣмъ мертвецы, творятъ по ночамъ на землѣ колдуны („вашаи“), насылающіе болѣзни и смерть.. Всякихъ суевѣрій масса:—еще и теперь, напримѣръ, безжалостно душатъ всѣхъ близнецовъ, а также и дѣтей рождающихся ногами впередъ...

Ночевка у станціи Ньюси... Оттуда всего въ пяти часахъ пути прелестные водопады Маргариты на рѣкѣ Пангани; они названы такъ по имени первой посѣтившей ихъ бѣлой женщины („биби“—жены бывшего окружного начальника Танги С. Иллера). У деревни Мугасамбога Пангани разбивается на массу рукавовъ, образуя „царство тысячи островковъ“, поросшихъ лѣсомъ; какъ разъ ниже послѣднихъ рѣка падаетъ внизъ съ громаднаго уступа. Высота паденія доходитъ до 40 саженъ и хотя воды не очень много — картина обворожительна. Лѣсъ, искрящійся, переливающійся на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги брызги, пѣнящійся и клубящійся потоки воды, темно-синее небо, жгучее солнце — все это создаетъ волшебное зрѣлище...

По дорогѣ обратно къ станціи мое вниманіе привлекаютъ постройки термитовъ,—это земляныя сооруженія временами выше человѣческаго роста. Мои спутники говорили мнѣ, что имъ приходилось встрѣчать термитники до 5 метр. высотой... На первый взглядъ кажется, что разрушить постройку не стоитъ никакого труда, но уже первый ударъ топора говоритъ обратное, зданіе точно каменное, а вѣдь оно построено изъ земли и экскрементовъ, сцементированныхъ клеевыми выдѣленіями насѣкомыхъ. Въ сдѣланномъ топоромъ отверстіи тотчасъ же показываются бѣловатые тѣльца термитовъ-рабочихъ, старающихся побыстрѣе задѣлать поврежденіе, тамъ и сямъ между ними снуютъ воины, приготовившіеся къ бою,—это—термиты, у которыхъ голова почти равна по размѣрамъ половинѣ тѣла,—признакъ, позволяющій различить воиновъ съ перваго взгляда; на головѣ у нихъ громадныя, покрытыя твердымъ покровомъ, заостренныя на концахъ

челюсти-жваки—единственное ихъ оружіе... Разбиваемъ холмъ дальше и натываемся на довольно большія пустоты, въ которыхъ находятся какія-то губчатые образованія; это не что иное, какъ такъ называемые грибные сады. Термиты склеиваютъ кусочки экскрементовъ въ особые пористые комки,—и въ нихъ разрастаются нити плѣсени, служащія, повидимому, пищей, какъ рабочимъ и солдатамъ, такъ и личинкамъ термитовъ...

Когда, наконецъ, удается сравнить зданіе съ землей, мы натываемся на особую камеру, въ которой заключена царица и царь; у царицы—колоссально разросшееся по сравненію съ остальнымъ тѣломъ брюшко, все наполненное яйцами...

Бываютъ дни, когда изъ термитника вылетаютъ крылатые особи—цари и царицы, впоследствии теряющіе свои крылья и основывающіе затѣмъ новыя общины... Мнѣ не разъ приходилось встрѣчать этихъ крылатыхъ насѣкомыхъ, иногда покрывавшихъ во множествѣ стѣны веранды моей комнаты и привлекавшихъ вечерами массу летучихъ мышей, а днемъ различныхъ охотящихся на нихъ птичекъ...

Въ лѣсу я тоже довольно часто находилъ постройки термитовъ; иногда ихъ можно было замѣтить—благодаря длиннымъ, крытымъ глиною переходамъ, протянувшимся всюду по стволу, иногда же ничто не выдавало ихъ присутствія, хотя внутри древесины уже была проточена въ разныхъ мѣстахъ десятками галлерей, выстланныхъ, обыкновенно, тонкимъ слоемъ пропитанной слюною земли... Видишь иногда упавшія деревья почти сплошь, за исключеніемъ на рубяняго слоя выѣденныя термитами...

Временами на кустахъ кто-нибудь изъ „боевъ“ замѣчаетъ громаднаго палочника—*Palorhus reyi* („нангамизи“) одно изъ очень интересныхъ насѣкомыхъ, до крайности напоминающихъ лишенные листьевъ вѣтви. Эти формы достигаютъ длины карандаша и толщины пальца; у самокъ совершенно нѣтъ крыльевъ, слегка покачиваясь на своихъ тонкихъ членистыхъ ножкахъ, неподвижно сидятъ онѣ на стебляхъ, и нуженъ очень зоркій и привычный глазъ, чтобы найти ихъ въ чащѣ вѣтвей... Вдругъ въ караванѣ замѣшательство,—и что же тому причиной? — громадный съ сине-зелеными крыльями шмель, одинъ изъ самыхъ большихъ, какіе когда-либо мнѣ попадались... Смѣшно и странно, какъ боязливы моменты негры... Они боятся даже такихъ безобидныхъ животныхъ, какъ флегматичные хамелеоны, и боятся тѣ же люди, что

только что поймали ихъ и принесли... Иногда въ шутку я бралъ хамелеона,—сердито раскрывавшаго ротъ, и направлялся къ группѣ негровъ, ожидавшихъ платы за собранный матеріалъ; немедленно всѣ бросались съ криками и ужимками въ разсыпную... Мнѣ рассказывали, какъ иногда во время „сафари“ на караванъ нападали пчелы; носильщики, какъ попало, бросали вещи и разбѣгались безъ оглядки въ стороны, и собрать ихъ потомъ стоило большихъ трудовъ... Негры, охотники до меда, изъ котораго они готовятъ также особый родъ пива, и потому—пчелъ можно встрѣтить чуть ли не повсюду. Воскъ, который раньше бросали, въ настоящее время представляетъ довольно цѣнный продуктъ вывоза и даетъ колоніи чуть ли не больше дохода, чѣмъ слоновая кость...

Во время небольшой остановки у ручья—„вапагари“ организовали ловлю крабовъ и скоро въ моемъ распоряженіи было около десятка этихъ громадныхъ ракообразныхъ съ гигантскими клешнями, показавшихся мнѣ за завтракомъ ничуть не хуже нашихъ обыкновенныхъ, рѣчныхъ раковъ... Это былъ какой-то видъ рода *Telphusa*, заинтересовавший меня потомъ особенно тѣмъ, что у него на тоненькихъ листовидныхъ придаткахъ, играющихъ роль органовъ дыханія—жабръ, я нашелъ десятки тысячъ маленькихъ сидячихъ инфузорій съ совершенно не изученнымъ еще способомъ размноженія... Каждый шагъ давалъ всегда что-либо новое, интересное, не говоря уже о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя получались отъ яркой, оригинальной природы тропиковъ.

Въ одной деревнѣ ко мнѣ обратился за помощью негръ съ сильно изъязвленными и воспаленными ногами. Изъ разспросовъ оказалось, что онъ страдаетъ отъ такъ называемыхъ песчаныхъ блохъ (*Sarcopsilla penetrans*). Я далъ ему іодоформа и бѣдняга былъ нескончаемо обрадованъ лекарствомъ... Это насѣкомое представляетъ значительный интересъ, особенно благодаря удивительной быстротѣ его распространенія въ жаркихъ странахъ. Родиною песчаной блохи является восточный берегъ Южной Америки. Въ 1872 году одинъ англійскій корабль при доставкѣ кофе завезъ ее въ мѣшкахъ въ одну изъ гаваней (Amoriz) западнаго берега Африки. Отсюда блоха съ невѣроятной быстротой распространилась по всему этому побережью и, наконецъ, въ девятилѣтнихъ годахъ пробралась къ центрально-африканскимъ озерамъ, и дальше—на восточную сторону; въ настоящее время

она встрѣчается уже въ Индіи, куда ее завезли англійскіе солдаты изъ Уганды, и, вѣроятно, недалеко время, когда песчаная блоха будетъ встрѣчаться во всѣхъ тропическихъ странахъ. Эта блоха высасываетъ кровь такъ же, какъ и одноименное съ ней европейское насѣкомое. Оплодотворенная самка пробуравливаетъ кожу человѣка и животныхъ, забирается туда и вызываетъ воспаленіе и образованіе гноящихся ранокъ; вмѣстѣ съ гноемъ выпадаютъ наружу маленькія червеобразныя личинки, окукливающіяся на свободѣ...

Но вотъ—путь конченъ и караванъ у цѣли, у станціи Ньюси, откуда я направляюсь въ Тангу... Поѣзда ждать очень долго...

Изъ лѣска доносится оглушительное пѣніе цикадъ. Мнѣ нравятся эти шумныя звуки и я волей-неволей вспоминаю тѣ разногласія, которыя существуютъ на ихъ счетъ; въ иныхъ мѣстахъ цикадъ, цѣня ихъ пѣніе, говорятъ, держатъ даже въ клѣткахъ, тогда какъ въ другихъ—считаютъ бѣдствіемъ... Пѣніе слышно, но пѣвцовъ я никакъ не могу разсмотрѣть, а такъ бы хотѣлось поближе познакомиться съ ихъ устройствомъ. Трещать только самцы; звуковой аппаратъ помѣщается у нихъ на груди и на брюшкѣ; это—особаго рода туго-натянутыя, снабженныя мышцами перепонки, которыя окружены особыми камерами-резонаторами; вибрирующія колебанія перепонокъ вызываютъ звуковыя волны, ощущаемыя нашимъ ухомъ...

Тутъ же въ лѣсу я нашелъ, уже знакомыхъ мнѣ по Амани, громадныхъ коричневатыхъ кузнечиковъ, обладающихъ удивительно интереснымъ приспособленіемъ; какъ только насѣкомое замѣчаетъ опасность, оно начинаетъ выдѣлять изъ груди около ножекъ два клубка желтоватой пѣны; клубки растутъ все больше и больше и достигаютъ порядочныхъ размѣровъ. Это одно изъ многочисленныхъ „устрашающихъ“ приспособленій, сплошь и рядомъ попадающихся у всевозможныхъ животныхъ. Повидимому, къ подобной же категоріи относятся и выдѣленія нѣкоторыхъ цикадъ (*Ptyelus flavescens*), временами падающія съ деревьевъ на землю въ видѣ дождя. Это явленіе было замѣчено еще Ливингстономъ, который, однако, не зналъ его причины и считалъ атмосферическимъ...

Наконецъ, я въ вагонѣ—и поѣздъ несется по направленію къ Тангѣ. Слѣва высятся горы Узамбары и уходятъ все дальше и дальше... Грустное чувство закрадывается

въ душу; едва ли когда-нибудь еще вернусь я сюда, едва ли придется пережить воплощѣннѣ что-либо подобное тому, что было пережито въ Амани, въ окружающих его лѣсахъ, на верандѣ Fremdenhaus'a на вершинахъ Бомоле и Гоніа...

Станція Мугеса. Отсюда идетъ путь къ Магила, у подножія Магротто, гдѣ расположена старѣйшая въ колоніи англійская миссія, основанная въ 1868 году... Мнѣ пришлось познакомиться съ ея настоятелемъ, ѣхавшимъ со мной до Танги; отъ него я узналъ многое о колоніальныхъ нравахъ и жизни туземцевъ. Негровъ-христіанъ мнѣ случалось наблюдать раньше; всѣ они произвели на меня невыгодное впечатлѣніе, въ нихъ есть что-то неискреннее, на нихъ лежитъ какой-то отпечатокъ подозрительнаго смиренія и ханжества... Христіанство распространяется здѣсь медленно, не смотря на всѣ усилія миссіонеровъ, и культурная работа ихъ, захватывая лишь незначительное число лицъ, не даетъ утѣшительныхъ результатовъ.

Главнымъ тормазомъ оказывается нежеланіе негровъ отказаться отъ многоженства. Женщина несетъ на себѣ всю тяжесть домашней жизни; она исполняетъ большинство полевыхъ работъ, носить воду, собираетъ топливо, готовитъ ѣду и пиво, нянчить ребятъ, однимъ словомъ — дѣлаетъ все... Не разъ я видалъ женщинъ за работой или за ноской воды, съ маленькимъ ребенкомъ, а то и съ двумя, привязанными очень искусно за спиной въ особомъ мѣшкѣ... Мужчина поправляетъ хижину, стережетъ поле и ходитъ на охоту; а все свободное время, — которого не мало, — проводитъ въ нескончаемыхъ бесѣдахъ, „шаури“, танцахъ и выпивкахъ... Естественно, что отказаться отъ многоженства трудно, и настоятель съ горечью рассказывалъ о многочисленныхъ случаяхъ, когда негры-христіане обращались съ просьбами смягчить суровый запретъ многоженства и, послѣ отказа, уходили изъ христіанской общины... То же самое наблюдается и въ другихъ миссіяхъ колоніи...

Жаръ свалилъ, когда поѣздъ подошелъ къ Тангѣ... Знакомый вокзалъ, — кругомъ кокосовыя пальмы, — толпа народа... Нужно взять багажъ; десятки негровъ на-перебой предлагаютъ свои услуги; нанимаю носильщиковъ, но у дверей багажнаго вагона происходитъ цѣлая свалка, каждому хочется заработать „сумни“ *) и я начинаю бояться

за участь своихъ сундуковъ, особенно ящиковъ съ коллекціями въ стеклянной посудѣ... На всѣ мои уговоры не обращаютъ никакого вниманія, и только вмѣшательство чернаго полицейскаго — „аскари я полись“ — въ желтой форменной курткѣ и съ здоровой дубинкой въ рукѣ — восстанавливаетъ порядокъ; обычный караванъ быстро формируется и трогается въ гостиницу... Какой-то черный карапузикъ, изъ желанія получить „бакшишъ“, выпрашиваетъ у меня одинъ изъ маленькихъ свертковъ и, важно поглядывая по сторонамъ, шествуетъ со мной... Снова я въ старой комнатѣ; меня встрѣчаютъ, какъ добраго знакомаго, привѣтствія, разспросы, — точно вернулся на родину, въ маленькій, затерявшійся въ поляхъ провинціальный городокъ...

Глава IV.

По побережью къ югу. — Кокосовыя пальмы. — Арабская легенда. — Платани и его окрестности. — Каучуковые плантаціи. Жизнь европейцевъ въ колоніи. — На мопля Таутерборти. — Садани. — Богомойо. — Кильва. — Ловля насекомыхъ. — Богомола. — Линди. — Охота въ колоніи. — Копалъ. — Культура хлопчатника.

По побережью нѣмецк. Восточн. Африки имѣется нѣсколько пунктовъ, менѣе важныхъ, чѣмъ Даресеаламъ и Танга, но все же интересныхъ, каждый по своему; это будутъ, — начиная съ сѣвера къ югу: — Тангани, Садани, Богомойо, Кильва, Линди, Микиндани и, наконецъ, Килиндони на остр. Маффія. Посѣтить эти городки очень просто, такъ какъ, кромѣ двухнедѣльныхъ рейсовъ нѣмецк. Восточн. Африканск. линіи, между ними поддерживается правильное сообщеніе правительственными пароходами... При бѣглой поѣздкѣ, не удастся, конечно, хорошо ознакомиться съ мѣстностью и фауной, но все же узнаешь главнѣйшія данныя, рисующія сельско-хозяйственную и экономическую жизнь названныхъ пунктовъ...

Пароходъ ушелъ изъ Танги по утру... Снова проходимъ мимо мыса Расъ Казоне, мимо его бѣлой сигнальной башни и, обогнувъ, поросшій лѣсомъ островъ Ямбе, поворачиваемъ къ югу...

Изъ синеватой дымки дали шлютъ послѣдній привѣтъ отроги Узамбары... Воздухъ жарокъ, вѣтра нѣтъ, и дымъ изъ паровой трубы подымается почти прямо вверхъ. Берегъ, вдоль котораго мы идемъ — ровный и плоскій, но чѣмъ дальше, тѣмъ онъ выше, — сначала встаютъ вершины

*) 25 геллеровъ (около 2!) коп.).

Бондеи, оканчивающіяся круглой, как коровай хлѣба, горой Тонгве, потомъ, подалше къ югу, начинаютъ выдѣляться изъ мглы высоты Узегуа съ ихъ характерной двойной вершиной Гендагенда... Побережье довольно однообразно: у самой воды — заросли мангровъ, выше, поближе къ деревушкамъ туземцовъ и „шамбамъ“ — помѣстьямъ арабовъ, — рощи кокосовыхъ пальмъ. Эти пальмы почти всегда указываютъ на присутствіе, гдѣ-нибудь неподалеку, человѣческаго жилья.

Кокосовая пальма — типичнѣйшее дерево побережья и его коронковыхъ острововъ. Плоды ея устроены такъ, что могутъ переноситься на далекое разстояніе морскими течениями, и потому эту пальму можно встрѣтить на любомъ морскомъ берегу жаркаго пояса. Орѣхъ снаружи покрытъ зеленой, позднѣе темнѣющей, коричневатой оболочкой, подъ которой находится толстый слой растительныхъ волоконъ; его присутствіемъ и объясняется, главнымъ образомъ, плавучесть плодовъ кокосовой пальмы. Подъ этой тканью имѣется еще темная, твердая, какъ камень, оболочка. Подъ ней — слой бѣлой массы, въ палецъ толщиной, вкусомъ немного напоминающій наши орѣхи, — это такъ называемый эндоспермъ, какъ бы запасы пищи для будущаго растеньица. Центральная часть заполнена сладковатымъ, въ началѣ водянистымъ сокомъ. Когда орѣхъ попадаетъ на прибрежный песокъ, прибой мало-помалу разрушаетъ его волокнистую оболочку; зародышъ пальмы при помощи особаго органа высасываетъ пищу изъ эндосперма и пьетъ сладкій, маслянистый сокъ; для зародыша особенно важенъ послѣдній, такъ какъ на коралловомъ прибрежномъ пескѣ, ему не найти ни капли прѣсной воды. Только вполнѣ окрѣпшее растеньице выходитъ, наконецъ, черезъ особое отверстіе на свѣтъ божій и посылаетъ быстро растущіе корешки въ почву... Туземному населенію кокосовая пальма приноситъ неисчислимую пользу; всѣ части ихъ идутъ въ дѣло. Эндоспермъ кокосоваго орѣха представляетъ любимую и питательную пищу, его сокъ — служитъ питьемъ, особенно тамъ, гдѣ нѣтъ по близости хорошей воды. Мнѣ самому не разъ при экскурсіяхъ по берегу, въ жаркій полдень, доводилось освѣжаться этимъ напиткомъ; мой „бой“ ловко, какъ обезьяна, упираясь связанными довольно длинной веревкой ногами въ стволъ пальмы, забирался на самую верхушку и сбрасывалъ оттуда нѣ-

сколько незрѣлыхъ орѣховъ, два — три удара ножомъ и точно открылась чаша, наполненная прозрачной, слегка бѣловатой, немного приторной на вкусъ жидкостью... Волокнистая оболочка орѣховъ идетъ у негровъ на плетеніе сѣтей, матовъ, гамаковъ и пр., листья употребляютъ на вязку корзинъ и на покрывку крышъ, древесина — на постройки... Наибольшее значеніе имѣеть, однако, эндоспермъ орѣховъ, представляющій собою важный продуктъ экспорта; въ видѣ такъ назыв. копры онъ служитъ для полученія пальмоваго масла. На девятомъ — десятомъ году жизни кокосовая пальма даетъ первый хорошій урожай орѣховъ, всего же дерево живетъ около 70—80 лѣтъ, принося ежегодно отъ 50 до 200 плодовъ, т. е. отъ 2 до 8 рупій дохода. Полагаютъ, что негру довольно 30 деревьевъ, чтобы считать себя обеспеченнымъ на всю жизнь... Цѣны на копру растутъ и нѣтъ никакого сомнѣнія, что культура кокосовыхъ пальмъ современемъ разовьется въ Африкѣ еще пышнѣе, чѣмъ въ настоящее время...

Надо еще упомянуть о пальмовомъ винѣ; для его полученія обрѣзаютъ, забираясь на вершину дерева, цвѣточный стебель и собираютъ вытекающій изъ раны бѣлый сокъ; когда послѣдній перебродитъ — вино готово; изъ него же дальнѣйшей дестилляціей можно добыть аракъ...

Берегъ плыветъ передъ нами, мы миновали уже глубокую бухту Тангарта; все чаще попадаются отдѣльные скалистые, известковые выступы, лежащіе рѣзкими бѣлыми пятнами на синюю гладь океана. Пароходъ подходитъ поближе къ землѣ; слѣва маленькіе островки — Карангве, Мазиви, справа — песчаный скатъ, мангровы, домики какой-то плантаціи, и вдругъ, почти у самаго борта, вырастаетъ дикій, высокій, скалистый утесъ Чоба, отъ котораго точно откололась и лежитъ отдѣльно въ морѣ двойная скала... Вспоминаю арабскую легенду, слышанную мной уже раньше, — двѣ дѣвушки, дочери вали, поклялись любившему ихъ больше жизни отцу, что никогда не будутъ купаться въ морѣ; однако, однажды въ жаркій полдень синія, ласковые волны такъ манили, такъ звали къ себѣ, обольщая задумчивымъ рокотомъ, что дѣвушки не выдержали и вошли, укутавшись покрывалами, въ воду... Клятвопреступницы прогнѣвали Аллаха, — и вотъ съ тѣхъ поръ въ назиданіе людямъ стоятъ одинокія, окаменѣвшія, — а старый отецъ выплакалъ всѣ свои очи, сидя на высо-

комъ утесѣ Чоба... Скала, дѣйствительно, напоминаетъ силузѣ двухъ закутаннѣхъ фигуръ, и мнѣ начинаетъ казаться, что красивая сага оживаетъ—дѣвушки движутся, а вотъ и старый вали... Нѣтъ, все миражъ—то дышитъ море, струится накаленный воздухъ, набѣгаетъ зыбь...

Вдругъ открылась широкая, съ мягкими, нѣжными очертаніями бухта Пангани... Минуемъ старую башню Расъ Мугеса, входимъ въ устье рѣки; отрывочная команда съ капитанскаго мостика,—и пароходъ поворачивается по теченію... Якорь брошенъ, на сегодня—наша цѣль достигнута, еще новый пунктъ, новые люди, впечатлѣнія, новые воспоминанія...

Пангани—типичный арабскій городокъ, съ узенькими улочками, бѣлыми домами, часто совсѣмъ безъ оконъ на улицу, съ плоскими крышами; возникъ онъ совсѣмъ недавно, лѣтъ сто тому назадъ, но за то лежащая противъ него на другомъ берегу рѣки деревушка Буэни уже встрѣчается на португальскихъ картахъ конца XVI вѣка...

Въ Пангани ближе знакомишься съ исторіей колоніи, съ этимъ городкомъ связаны воспоминанія о возникновеніи нѣмецкаго владычества въ краѣ, съ нимъ же неразрывны и воспоминанія объ арабскомъ возстаніи и о гибели его вдохновителя и руководителя Бушири бинъ-Салима.

Мнѣ довелось, когда я плылъ на „Prinzessin“ встрѣтиться со старикомъ, Карломъ Петерсомъ,—основателемъ Нѣм. Восточно-Африканскаго Общества, извѣстнымъ всѣму свѣту благодаря несслыханнымъ жестокостямъ надъ беззащитными неграми... Этотъ самый Петерсъ въ сообществѣ съ гр. Пфейль отчасти номинально, отчасти обманомъ и подарками различнымъ чернымъ князьямъ, въ 1884 году захватилъ въ свои руки громадную область, нигдѣ, однако, не доходившую до берега, составлявшаго въ то время часть занзибарскаго султаната. Годомъ позднѣе Германія взяла эти земли подъ свою защиту, а въ 1888 г. Нѣмец. Вост.-Афр. Общество уже арендовало у султана Сеидъ Халида значительную часть береговой полосы, вмѣстѣ съ Пангани. Здѣсь загорѣлась первая искра возстанія арабовъ противъ нѣмецкаго владычества, отсюда вышелъ и тутъ же былъ въ 1889 г. на площади казненъ взятый въ плѣнъ вождь повстанцевъ умный, богатый и хитрый Бушири-бинъ-Салимъ...

Въ ближайшихъ окрестностяхъ Пангани сосредоточено больше десяти крупнѣйшихъ плантацій колоніи и мнѣ представился

здѣсь удобный случай ознакомиться съ культурами агавъ, каучуковыхъ деревьевъ, риса и сахарнаго тростника...

Наиболѣе богатый сборъ цѣннаго каучука даетъ одинъ дикій видъ ліанъ. Благодаря хищничеству—ихъ остается съ каждымъ годомъ все меньше и потому пришлось подыскивать растенія, которыя могли бы замѣнить эти ліаны. Всего больше культивируютъ теперь въ Африкѣ маниго, особыя каучуковыя растенія, посадки которыхъ представляютъ собой частыя рощицы густолиственныхъ деревьевъ. Кора каждаго деревца надрѣзается при помощи особѣхъ ножей съ нѣсколькими лезвіями,—вытекающій изъ порѣзовъ сокъ при помощи кольцевого желобка собирается въ ведерки и потомъ послѣ прибавленія какой-нибудь кислоты свертывается; полученный сгустокъ и представляетъ собой сырой каучукъ. Надрѣзываніе производятъ, начиная съ третьяго года жизни дерева; сначала оно даетъ около 100, а чѣмъ старше, тѣмъ больше—до 200—250 граммъ каучука ежедневно.

Считаютъ, что съ гектара земли, т.-е. съ 1000 деревьевъ при затратѣ 100—150 рублей можно получать каучука на 300—500 рублей въ годъ. Въ виду такихъ доходовъ, культура маниго—привлекаетъ къ себѣ взоры ряда капиталистовъ и годъ-отъ-года площадь этихъ плантацій быстро растетъ, слѣдуя за неуклонно растущимъ спросомъ.

Культуры риса и сахарнаго тростника находятся въ упадкѣ; онѣ—въ рукахъ арабовъ,—а эти послѣдніе никакъ не могутъ приспособиться къ новымъ условіямъ жизни, къ необходимости, благодаря уничтоженію рабства, пользоваться наемнымъ трудомъ. Предчувствіе грядущаго переворота, необходимость измѣнить всѣ установившіеся и сложившіеся вѣками порядки—вотъ что, повидимому, было предметомъ арабскаго возстанія и тѣ же причины, должны были бы, по моему, заставить европейцевъ болѣе зорко прислушиваться къ настроенію подвластныхъ имъ народовъ... Исламъ крѣпнетъ и все дальше и дальше, вглубь континента распространяется его вліяніе; бѣлые—„вазунгу“ ничего не сдѣлали, чтобы привлечь къ себѣ населеніе... Рано или поздно искра будетъ брошена; гдѣ это произойдетъ—сказать трудно, но взрывъ охватитъ большое пространство, не минуя оныхъ и восточной Африки...

Въ окрестностяхъ Пангани—масса болотъ, надъ которыми даже жаркими днями

носятся тучи комаровъ... Точно проклятіе тяготѣтъ надъ такими мѣстами;—окрестное населеніе почти поголовно страдаетъ здѣсь маляріей въ самыхъ тяжелыхъ ея формахъ, и что всего удивительнѣе, что тутъ, какъ чуть ли не повсюду въ Африкѣ,—наиболѣе удобныя, плодородныя земли отличаются самымъ нездоровымъ климатомъ...

Попадаетъ въ колонію исключительно молодежь, ѣдутъ сюда неудачники—въ поискахъ не дающагося счастья, ѣдутъ въ погонѣ за золотомъ, за легкимъ быстрымъ обогащеніемъ, ѣдутъ искатели приключеній, неопытные, наивные... И дѣйствительно,—деньги текутъ здѣсь широкой волной, но, у большинства какъ-то не остаются онѣ въ карманахъ... Лишенные общества, лишенные разумныхъ развлеченій, уставшіе отъ однообразія, обладающіе большими денежными средствами—люди растрачиваютъ свои силы въ постоянныхъ попойкахъ и кутежахъ... Коньякъ, виски и ликеры—одни изъ наиболѣе ходкихъ привозныхъ товаровъ.... Мнѣ не разъ говорили врачи, долго прожившіе въ колоніи, что сильная смертность европейцевъ объясняется не столько нездоровымъ климатомъ, сколько тѣмъ, что малярія и другія заболѣванія находятъ благодатную почву въ истощенномъ всякими излишествами организмѣ... У людей, не выдавшихъ на одинѣ и десятой доли того, что зарабатываютъ они здѣсь, кружится голова, и они, не зная иного приложенія силъ, растрачиваютъ ихъ за стаканами спиртныхъ напитковъ. У негровъ, глядя на нравы бѣлыхъ, даже сложилась поговорка—„пьяны, какъ европеецъ!“

Въ Пангани мнѣ пришлось встрѣтить сирийца, уже давно, добрыхъ десять лѣтъ, живущаго въ колоніи... Живой, какъ ртуть, онъ кипитъ, берется за массу дѣлъ,—и все у него спорится, удается; завелъ въ Тангѣ механическую мастерскую, добываетъ пальмовое масло, устроилъ мыловаренный заводъ, мечтаетъ освѣтить городъ электричествомъ...

Распрашиваю, какъ онъ себя здѣсь чувствуетъ, не страдаетъ ли малярій... Только смѣется въ отвѣтъ.

— Малярія—это пустяки; ничего страшнаго нѣтъ. За десять лѣтъ у меня былъ лишь одинъ слабый припадокъ; не надо кутить, валяться пьянымъ въ уличной канавѣ, бродить ночи на-пролетъ, засыпать гдѣ и какъ попало... Я вотъ ничего не пью; берегу здоровье, коплю деньги... Года

черезъ три смогу бросить колонію. Необходимо жить гигиенично: простая, умеренная, здоровая пища, поменьше какихъ бы то ни было жидкостей... Нечего гоняться за эстетикой—пальмами, цвѣтами... У меня домъ на холмѣ, всюду масса солнца, вѣтеръ гуляетъ вокругъ, неуютно—но здорово... Поменьше тѣневыхъ угловъ, побольше сквозняковъ... А главное—ни капли алкоголя!..

Такъ пріятно видѣтъ здѣсь подобныхъ людей, такъ хочется почаще слышать подобныя рѣчи...

Послѣ посѣщенія плантаціи, къ вечеру я возвращался въ городъ... Мнѣ только что довелось побывать на могилѣ Лаутерборна... Датчанинъ родомъ, онъ почти двадцать лѣтъ провелъ въ колоніи, на службѣ у Нѣмецкаго Восточно-Африканскаго Общества. Лаутерборнъ пережилъ арабское возстаніе, когда ему съ нѣсколькими европейцами пришлось запереться въ одномъ изъ домовъ Пангани и выдерживать настоящую осаду... Ему принадлежить честь введенія въ Африкѣ культуры американскихъ сисаль-агавъ, онъ же поднялъ на значительную высоту хозяйство Кикогве, одной изъ старѣйшихъ плантацій колоніи... Теперь Крістіанъ Лаутерборнъ покоится подъ раскидистымъ, могучимъ баобабомъ у Расъ Кикогве, неподалеку отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ прошли лучшіе, но и богатые испытаніями годы его жизни...

Кругомъ—тропическая природа, которую такъ зналъ и такъ любилъ покойный; шумитъ вѣтеръ въ вѣтвяхъ, плещетъ недалекое море волнами,—точно поютъ заунывыныя пѣсни...

Дорога идетъ аллеей манговыхъ деревьевъ... Вотъ и пальмовая роща... Сейчасъ и Пангани... Деревья тихо, задумчиво шелестятъ своими верхушками,—это какой-то незнакомый, не родственникъ гуль... Жутко... Просвѣтъ,—я на горкѣ. Впереди море; далеко, далеко въ темнѣющей дали блеснулъ огонекъ и спрятался... Точно сверкнулъ загадочный глазъ и закрылся... Снова—и снова... Это маякъ на сѣверномъ концѣ Занзибара... Зажигаются звѣзды... Вотъ южный крестъ, а вотъ на самомъ краю горизонта Большая Медвѣдица... Смотрю на нее, и мысли несутся далеко, далеко къ сѣверу, къ тѣмъ людямъ, что видятъ эти семь звѣздъ сейчасъ такъ же, какъ я... Темно совсѣмъ... Пора на пароходъ. Будь одинъ, ни за что не разобрался бы въ лабиринтѣ деревьевъ, гигантскихъ тѣней, переплетающихся дорожекъ... Понятное днемъ—становится такимъ уродливымъ, не-

понятнымъ, неузнаваемымъ въ черной тѣмѣ тропической ночи...

Стукнула лодка о тралъ парохода. Ломаются отблески фонарей въ водѣ...—Добрый вечеръ—привѣтствуетъ насъ дежурный офицеръ... Начинаются разспросы, отвѣчаешь нехотя,—усталъ отъ массы впечатлѣній, нужно отдохнуть, успокоиться... Выбираю на палубѣ уголокъ поуютнѣе, усаживаюсь, почти укладываюсь въ „longue chaise“ и погружаюсь въ мечты... Однако, не долго остаюсь одинъ, подходятъ сосѣди и снова разговоръ о Пангани, о будущемъ колоніи, въ концѣ концовъ о русской „революціи“...

На другой день приходимъ въ Садани. Городокъ, раньше служившій мѣстомъ переправы въ Занзибаръ рабовъ, увезенныхъ изъ центральныхъ частей Африки, потерялъ теперь всякое значеніе. Времена мѣняются!.. Прежде нужно было шесть мѣсяцевъ пути, чтобы достигнуть съ караваномъ Мпапуа, лежащаго куда меньше чѣмъ на пѣловинѣ пути отъ побережья до оз. Танганика, теперь же проходятъ это разстояніе не больше, какъ въ 16 дней... Садани извѣстенъ также тѣмъ, что отсюда еще въ 1878 году былъ переправленъ англичанами къ оз. Танганика съ неописуемыми трудностями маленькій пароходикъ.

Бухта открытая, неуютная; видъ Садани совсѣмъ не интересенъ. Дѣлать здѣсь нечего—и потому очень скоро поднимаемъ якорь и уходимъ дальше на югъ.

Дальнѣйшіе пункты побережья, за исключеніемъ, конечно, Дарессалама, которому я надѣюсь посвятить особую главу, представляютъ сравнительно мало общаго интереса.

Богамоио—съ его неглубокой бухтой, заставляющей пароходъ остановиться далеко отъ берега, вызываетъ лишь воспоминанія о многихъ тропическихъ путешествіяхъ, такъ какъ большинство ихъ начиналось именно отсюда... Еще недавно тутъ велась оживленная торговля слоновой костью и невольниками, сходилась вмѣстѣ нѣсколько караванныхъ тропъ и отсюда всего легче было организовать „сафари“ въ таинственные страны по берегамъ Малагараси и Русиси, къ водамъ Танганика и Ньясса...

Южнѣе Дарессалама мы попадаемъ въ Кильву, одну изъ самыхъ старинныхъ гаваней всего побережья. Въ ней сохранились остатки крѣпостныхъ сооружений, носящихъ на себѣ слѣды ранняго арабскаго (987—1497) и, затѣмъ португальскаго (1498—1698) владычества... Остатки про-

манныхъ, необычайно толстыхъ стѣнъ оплетены теперь пышной растительностью... Трава, кусты и цѣлыя деревья взобрались на разрушенные брустверы и природа справляетъ теперь веселый пиръ тамъ, гдѣ раньше лилась кровь, дымились пушки, слышались стоны и проклятія... Величина руинъ говорить о пышномъ когда-то расцвѣтѣ торговой жизни. Старая „Киноа“ португальцевъ знала раньше—иные, болѣе яркіе дни... Теперь лишь нѣсколько плантацій въ окрестностяхъ, жалкіе домишки негровъ, заглохшія „шамбы“ арабовъ... Наступаетъ вечеръ. Пароходъ стоитъ на якорѣ... Откуда-то несутся удары барабана и какія-то дикія завыванія... Вдругъ что-то шлепнулось около фонаря на палубу. Спѣшу накрыть платкомъ; какое-то большое насѣкомое... Смотрю и прямо глазамъ не вѣрю—гигантское животное оказывается водянымъ клопомъ, оно никакъ не меньше мизинца въ длину, широкое, неуклюжее... Всякая подобная находка радуетъ зоолога. Я спѣшу показать его сосѣдямъ... Подходить старикъ боцманъ, два-три негра-матроса... Всѣмъ интересно, что я поймалъ, зачѣмъ мнѣ это насѣкомое, что съ нимъ сдѣлаю и т. д. Видя мою радость—начинаютъ мнѣ помогать; приношу сачекъ и скоро ловля въ полномъ ходу, она увлекла всѣхъ,—все-таки что-то новое, странное... Скоро у меня масса всякой мелочи и нѣ сколько крупныхъ жуковъ... На утро пытаюсь разобраться въ своей добычѣ. Здѣсь нѣсколько экземпляровъ клоповъ, т. наз. полужесткокрылыхъ; повидимому, это какой-то видъ *Belostoma*; къ нимъ принадлежатъ чуть ли не самыя крупнѣйшія изъ насѣкомыхъ. Мѣстами они попадаютъ массами и уничтожаютъ въ прѣсныхъ водахъ громадныя количества мелкой рыбы, высывая ее своимъ сильнымъ, короткимъ хоботкомъ. Всѣ они водятся почти исключительно въ жаркихъ странахъ, ведутъ наполовину водный образъ жизни и часто гибнутъ массами около различныхъ источниковъ искусственнаго свѣта... Изъ жуковъ пойманныхъ, оказалось между прочимъ, нѣсколько экземпляровъ большихъ носороговъ (*Oryctes boas*) ближайшихъ родственниковъ европейскихъ жуковъ-оленей... Попалось также нѣсколько интересныхъ богомоловъ (изъ прямокрылыхъ); ихъ тонкія, зеленоватая, покрытая жилками надкрылья—удивительно напоминаютъ собой нѣжныя, прозрачныя листья растеній, представляя, такимъ образомъ, довольно яркій примѣръ мимикріи (подражанія). На пер-

вый взгляд у этих насѣкомых самая безобидная наружность, на дѣлѣ же богомолы—одни изъ страшнѣйшихъ мелкихъ хищниковъ. Ихъ переднія ноги—представляютъ собой страшное оружие; внутренней край ихъ усаженъ массой острыхъ шиповъ, до поры до времени скрытыхъ, какъ лезвіе ножа въ черенкѣ, такъ какъ одинъ членикъ ножки ловко складывается съ другимъ...

Говорятъ даже, что богомолы не только истребляютъ массу насѣкомыхъ, но и нападаютъ временами и на небольшихъ позвоночныхъ животныхъ, по крайней мѣрѣ, Бурмейстеръ описалъ случай, наблюдавшійся имъ въ Буэносъ-Айресѣ, когда крупный богомоль схватилъ какую-то маленькую птичку и началъ пожирать ее голову... Невѣроятнаго въ этомъ ничего нѣтъ, если судить по тому, какъ эти хищники вонзали свои шипы мнѣ въ пальцы при всякомъ неудачномъ прикосновеніи. У насъ—въ Россіи близкіе родичи экзотическихъ формъ встрѣчаются, главнымъ образомъ, на югѣ,—въ Крыму и въ Туркестанѣ, и никогда не заходятъ сѣвернѣе Харькова, Воронежа и Самары...

Пока я разбираюсь въ своемъ уловѣ, сушу насѣкомыхъ въ укромномъ уголкѣ на солнцѣ, сортирую и опредѣляю,—пароходъ идетъ все дальше и дальше на югъ... Океанъ удивительно покоенъ... Какой онъ синій, синій... Временами во время поѣздки у острова Капри, въ Неаполитанскомъ заливѣ мнѣ доводилось видѣть настоящее синее море, густого насыщеннаго цвѣта... Здѣсь же окраска точно еще гуще... Глядишь и просто не вѣришь глазамъ... Солнце палитъ, всѣ ищутъ уголка, гдѣ есть тѣнь и хотя бы немного вѣтерка, а негры, даже безъ фесокъ, разлеглись на самомъ солнцепекѣ, курятъ, лакомятся апельсинами и точно не чувствуютъ невыносимаго зноя...

— Неужели не жарко?—спрашиваю своего Бакари, тоже разваливашагося на „бунтъ“ веревокъ... „Гапана“—нисколько—лаконически отвѣчаетъ онъ, улыбаясь прищуренными глазами...

Прошло уже нѣсколько часовъ послѣ выхода изъ Кильва... Держимъ ближе къ берегу. Сейчасъ—Линди—бросаетъ проходящій мимо штурманъ... Берегъ красивый, волнистый; почти у самой воды начинаются невысокія, съ мягкими очертаніями холмы, всѣ покрытыя какой-то растительностью... Вонъ впереди нѣсколько бѣлыхъ пятенъ,—они растутъ и растутъ—это домики города.

Бухта все уже и уже... На берегу зданіе, окруженное стѣной,—это фортъ,—„бома“... По всему песчаному побережью цѣлая роща граціозныхъ, стройныхъ, необычайно высокихъ кокосовыхъ пальмъ...

Скорѣе на берегъ... Окрестности здѣсь очень красивы... Со мной нѣсколько спутниковъ-коммерсантовъ... Благодаря имъ я быстро знакоюсь съ мѣстностью... Проходимъ мимо „бомы“; у старыхъ громадныхъ деревянныхъ воротъ, оставшихся здѣсь еще отъ временъ арабовъ невольно останавливаемся,—тончайшая рѣзба покрываетъ ихъ сплошь,—рядомъ—нестерпимо рѣжетъ глазъ—традиціонная караульная полосатая будка... Новое и старое!.. какъ не похоже одно на другое... У воротъ солдатъ-негръ, „аскари“, стройный, ловкій, съ великолѣпной выправкой, равнодушно поглядываетъ на насъ. На стѣнѣ въ рамкѣ черный одноглавый съ причудливыми крыльями орелъ и подъ нимъ надпись: „Kaiserliches Deutsches Bezirksamt“, какъ разъ надъ самой головой аскари... На соседней плантаціи встрѣчаю лѣтъ пять живущаго здѣсь старожила. По его рассказамъ окрестности Линди и соседняго городка Микиндани—пока еще настоящій рай для охотника:—сохранились гиппопотамы, случаются временами встрѣтить царя звѣрей—льва, а подальше, у португальской границы, около деревушки Кюнга даже рѣдкаго теперь носорога...

Дичи разной повсюду очень много... Однако, и здѣсь, въ сторонѣ отъ наиболѣе посѣщаемыхъ европейцами пунктовъ, животныхъ становится годъ-отъ-году меньше... Правительствомъ дѣлаются попытки какъ-нибудь охранить отъ истребленія остатки исторической фауны. Въ десяти изъ тридцати округовъ колоніи опредѣлены границы участковъ, гдѣ запрещена всякая охота, т.-е. образованы такъ называемые Wildreservate. Затѣмъ, повсюду запрещена охота на человекообразныхъ обезьянъ—шимпанзе, на страусовъ и на нѣкоторыхъ другихъ полезныхъ птицъ, какъ, напримеръ, на небольшихъ совъ, на птицъ-секретарей, истребляющихъ змѣй и т. п.

Вообще же охота свободна, но—на право убивать цѣнныхъ животныхъ необходимо все же довольно дорого стоящее охотничье свидѣтельство; такъ, для полученія права охоты на всѣхъ животныхъ, въ томъ числѣ на слоновъ, жирафъ, носороговъ и зебръ нужно уплатить 750 рупій, т.-е. около 500 рублей. Отъ этихъ взносовъ не освобождается никто, и губернаторъ колоніи

можетъ лишь разрѣшить убить для научныхъ цѣлей нѣсколько животныхъ, охота на которыхъ вовсе запрещена въ колоніи... За каждаго убитаго слона приходится, кромѣ того, платить особый налогъ въ казну, въ размѣрѣ 150 рупій; его клыки можно вывезти изъ колоніи, лишь предъявивъ для штемпелеванія и уплативъ еще особую вывозную пошлину, платимую также при погрузкѣ на пароходъ за рога и шкуры всякихъ другихъ животныхъ...

Такимъ образомъ, какъ видно, охота на всевозможныхъ животныхъ обходится не дешево, но спортсмены, — особенно англичане и американцы, готовы бросить и не такія деньги, лишь бы застрѣлить слона или носорога. Въ сосѣдней съ нѣм. Африкой англійской Угандѣ этотъ спортъ обходится еще дороже, но и тамъ постоянно встрѣчаешь цѣлыя охотничьи экспедиціи, проникающія въ самый центръ страны. Въ Угандѣ за охотничье свидѣтельство платится тоже 500 рублей, но оно даетъ право убить лишь вполне определенное количество животныхъ, напримѣръ одного слона (за него, впрочемъ, платится еще дополнительный налогъ), двухъ гиппопотамовъ, двухъ зебръ и т. д. За каждый экземпляръ убитаго животнаго, сверхъ положеннаго, платится добавочно отъ 15 до 125 рублей.

За убитыхъ хищныхъ животныхъ выдается небольшая премія отъ $\frac{1}{2}$ до 15 руп.; она даетъ намъ возможность судить о числѣ истребляемыхъ ежегодно въ колоніи хищниковъ; за послѣднее время расходуются на преміи около 12 тыс. рупій ежегодно и убивается круглымъ счетомъ около 180 львовъ и 1000 леопардовъ. Числа довольно велики, но если мы вспомнимъ, что Нѣмецкая Восточная Африка занимаетъ почти 950000 квадр. километровъ, то онѣ уже не покажутся намъ такими большими...

Въ окрестностяхъ Линди находятъ довольно много копала. Это — смола особыхъ деревьевъ, идущая на производство лаковъ; особенно цѣнится ископаемый продуктъ, напоминающій янтарь... Съ каждымъ годомъ копала находятъ все меньше и меньше, и рыночная цѣна его растетъ; въ настоящее время за 100 килогр. платятъ отъ 250 до 350 рублей, такъ что для туземнаго населенія, еле зарабатывающаго на плантаціяхъ 3—4 рубля въ мѣсяцъ, добыча смолы хорошей подсобный заработокъ.

Здѣсь же въ Линди мнѣ пришлось познакомиться съ культурами хлопчатника. Повидимому, очень давно, — еще во времена перваго владычества арабовъ, въ

Африку были завезены сѣмена этихъ растений, такъ что теперь въ разныхъ мѣстахъ ихъ можно найти въ дикомъ состояніи... Съ конца восьмидесятыхъ годовъ — въ колоніи дѣлались попытки поставить культуру хлопка на широкую ногу и тѣмъ освободиться отъ американской зависимости, но до самаго послѣдняго времени въ этомъ направленіи было получено очень мало результатовъ: все же въ 1907 г. вывезено хлопка на сто слишкомъ тысячъ рублей, а совсѣмъ недавно фирма Г. Оттъ въ Лейпцигѣ и Лейпцигское бумагопрядильное акціонерное общество приобрѣли въ колоніи большія пространства земли подъ плантаціи хлопчатника...

Параллельно съ этимъ можно наблюдать со стороны высшихъ колоніальныхъ властей попытки приучить къ культурѣ какъ этихъ, такъ и другихъ полезныхъ растений туземное, негрское населеніе. Все говоритъ за то, что это дѣло можетъ пойти; негръ не такое „лѣнивое животное“, какимъ его всегда выставляютъ плантаторы; конечно, онъ съ большей охотой обрабатываетъ свой собственный клочокъ земли, чѣмъ поля плантатора, отъ котораго сплошь и рядомъ не видитъ ничего иного, кромѣ окриковъ и ударовъ кулакомъ и плетью... Я самъ видѣлъ посадки хлопчатника (Cottonica) у негровъ и онѣ произвели на меня самое отрадное впечатлѣніе... Однако, въ колоніи только и разговоровъ, что хлопокъ мелкихъ промышленниковъ плохъ, неоднороденъ, что всѣ эти чиновничьи, бюрократическія затѣи ни къ чему хорошему не ведутъ... Надо думать, что при первой же смѣнѣ губернатора измѣнится и направленіе всей внутренней колоніальной политики. За этими криками плантаторовъ и ихъ служащихъ о лѣни негра, о плохомъ качествѣ его хлопка, легко разсмотрѣть ни что иное, какъ желаніе сохранить дешевыя рабочія руки... Не даромъ съ той же цѣлью — побудить негра итти на заработки были введены въ колоніи „подымный“ и „подушный“ налоги...

На островъ Маффію я не попалъ. Онъ славится своимъ здоровымъ климатомъ и великолѣпными плантаціями кокосовыхъ пальмъ. Туда ѣхалъ молодой, только что окончившій университетъ д-ръ Вале, съ которымъ я провелъ не мало часовъ въ бесѣдахъ на разные темы. Сюда Вале приѣхалъ, чтобы лучше изучить экономическую и сельскохозяйственную жизнь колоніи... Онъ пробирался на Маффію и даже рассчитывалъ послужить гдѣ-нибудь

на плантаціи ассистентомъ... Добрый, славный юноша производилъ на меня хорошее впечатлѣніе, но и съ нимъ я все-таки не могъ сойтись во взглядахъ на негровъ. Вале очень понравилась развиваемая въ настоящее время Клаажемъ и другими антропологами теорія о полифилетическомъ происхожденіи человѣчества...

У негровъ многое иначе устроено, чѣмъ у европейцевъ, они не наши братья по крови, это какая-то другая, особая вѣтвь, совсѣмъ иного происхожденія—говаривалъ онъ мнѣ не разъ...—Развѣ могу я думать такъ, какъ думаетъ черный,—съ презрительнымъ удареніемъ на послѣднемъ словѣ отвѣтилъ мнѣ какъ-то съ раздраженіемъ Вале, на мои слова о томъ, что грамматика негровъ очень трудна и не легко европейцу правильно говорить на языкѣ васуагели...

Я и Вале проводили вмѣстѣ послѣдній

вечеръ... Мы сидѣли на верандѣ, окруженной тончайшей металлической сѣткой, для защиты отъ комаровъ... Уютно горѣла подъ абажуромъ лампа... Бился снаружи крыльями въ сѣтку какой-то мотылекъ... Въ саду, погруженномъ въ густой мракъ, было тихо, какъ въ могилѣ... Говорить намъ было какъ-то не о чемъ. Впереди—темнота, — неизвѣстно, что ждетъ каждого изъ насъ здѣсь, куда еще заброситъ судьба, столкнеть ли она насъ когда-нибудь еще разъ въ этомъ тѣсномъ мірѣ или же это послѣднія минуты дружеской бесѣды на чужбинѣ, гдѣ каждый ищетъ привѣта и теплаго слова... Пора разставаться... Завтра уже не увидимся, завтра дороги наши разойдутся далеко въ стороны...

— До свиданія надолго, быть можетъ навсегда!..

Планъ превращенія Сахары въ море.

Г. А. Томсона.

Небывалая сенсация въ Парижѣ была вызвана недавно смѣлымъ предложеніемъ профессора Эшегуайена, знаменитаго ученаго, заявившаго, что Франція не должна терять времени и превратить громадную пустыню Сахару во внутреннее море. Въ виду того, что около четверти всей пустынной площади лежитъ ниже уровня моря, устройство канала приблизительно въ 50 миль длины чрезъ болѣе высокую часть Сѣверо-Африканскаго побережья немедленно, по мнѣнію проф. Эшегуайена, создало бы Сахарское море, по величинѣ равное половинѣ Средиземнаго моря. Этотъ каналъ, утверждаетъ знаменитый ученый, не представитъ большихъ техническихъ трудностей, такъ какъ побережье состоитъ изъ песка и мягкихъ образований.

Послѣдствія подобнаго предпріятія, продолжаетъ профессоръ, были бы грандіозными. Всѣ безплодныя страны, окружающія теперь пустыню и тѣ части Сахары, которыя находятся выше уровня океана, были бы превращены въ цвѣтушія, какъ Европа, такъ какъ нынѣшнее безплодное состояніе обязано совсѣмъ не плохой почвѣ, а исключительно недостатку воды. Въ довольствѣ и комфортаѣ стали бы тогда существовать цѣлые милліоны человѣческихъ существъ, которыя въ настоящее время влачатъ жал-

кое, полуголодное существованіе. Кромѣ того, могла бы быть прибавлена къ владѣніямъ Франціи новая громадная колонія, политическое и экономическое значеніе которой едва ли можно преувеличить. Флотилія пароходовъ пересѣкала бы Сахарское море, глубина котораго варьировала бы отъ 10 до 60 фатомовъ (отъ 16 до 100 метровъ), и цвѣтушая торговая дѣятельность была бы вызвана между Алжиромъ и французской западной Африкой. Наиболѣе интереснымъ результатомъ явилось бы измѣненіе климата всей сѣверной Африки отъ крайностей экваторіальной жары къ пріятной температурѣ Наталѣ, что увеличивало бы ея значеніе, какъ мѣста колонизаціи для европейцевъ.

Схема проф. Эшегуайена вызвала массу комментарій и возраженій. Извѣстные знатоки метеорологи закричали въ ужасъ, что умѣрить температуру Африки значитъ перемѣнить климатъ Европы; что если тропическая Африка должна сдѣлаться умеренной, то Европа станетъ арктической; рисовались полныя тревоги картины Англіи, Бельгіи и Даніи, погребенныхъ подъ постояннымъ снѣгомъ въ нѣсколько футовъ толщины, а ихъ жителей или поспѣшно эмигрирующими въ болѣе теплыя страны или же ведущими образъ